

Анализируются проблемы архитектурного образования, механизмы формирования архитектурных школ, их особенности в зависимости от конкретно-социальных и культурных задач. Предметом изложения автор делает понятия учебной и неучебной школы, соотношения архитектурной практики и университетского лидерства. Проводятся параллели между мировым и российским опытом, описываются личности лидеров архитектурных школ разных теоретических и социально-культурных форматов. Предлагается широкое толкование глобального и локального в современном развитии как культурных парадигм, вбирающих сущностно близкие, но и внутренне противоречивые признаки, образующие диалектическое единство и противоречие. Описываются российские варианты региональных архитектурных практик, взаимодействие архитектурной теории и практики с политической властью и бизнесом, отношения столицы и провинции.

Ключевые слова: учебное и неучебное профессиональное образование; глобальное; локальное; архитектурная школа; региональная идентичность; оппозиции, стратегии. /

The article analyses the problems of architectural education, mechanisms of formation of architectural schools, their peculiarities depending on concrete social and cultural goals. The author focuses on the notions of academic and non-academic school, as well as the interrelation between architectural practice and university leadership. He draws comparisons between world and Russian experiences and describes the personalities of the leaders of architectural schools of different theoretical and socio-cultural types. He proposes a wide interpretation of the current development of the global and the local as cultural paradigms that absorb essentially close, but also internally contradictory attributes that compose a dialectical unity and contradiction. The article describes Russian versions of regional architectural practices, interaction of architectural theory and practice with political power and business, as well as relations between the capital and the province.

Keywords: academic and non-academic professional education; global; local; architecture school; regional identity; opposition; strategies.

Архитектура как школа / Architecture as a school

текст
Андрей Боков /
 text
Andrey Bokov

I. Неучебная школа

Неучебная школа – явление неформальное; полуметафора-полуреальность. Учебная школа – официальное юрлицо, готовящее специалистов. Неучебная школа – порождение профессиональной практики. Учебная и неучебная школы очевидно нуждаются друг в друге. Одной необходимы адепты и последователи, другой – приток актуальной информации. Разрыв с практикой, неспособность к обновлению и адаптация стали причиной кризиса, снесшего в 1968 году знаменитую Les Beaux-Arts de Paris (Школа изящных искусств). И, напротив, результатом объединения школ, симбиозом рутины и развития становятся многие университеты, где профессор – признанный практик. Своей результативностью ВХУТЕМАС обязан связи с ОСА и АСНОВА, а уникальный потенциал Академии архитектуры СССР не мог бы сложиться в отсутствие школы-мастерской Жолтовского.

Учебные заведения создаются решением извне, властью или бизнесом. Они обязаны соответствовать определенным стандартам и общим для всех правилам. Неучебная школа неповторима, уникальна и опирается на усилия снизу. Это и результат, и инструмент самостоятельного развития профессии, целью которого становится высокое, гарантированное и убедительное качество архитектуры. Неучебные школы – своего рода рыцарские ордена, авангард профессионального сообщества, близкие родственники философских кружков, объединений писателей и художников.

Традиционная карьера выпускника архитектурного вуза предполагает последующее вступление в профессиональный союз или палату. Организации такого рода, как и учебные заведения, обязывают своих членов следовать ограничениям этического порядка. Неучебная школа опирается на эстетические предпочтения, ощущаемые и понимаемые не как «дело вкуса», но как видение мироустройства. Эти школы, как правило, отличают высокая внутренняя культура, высокая коммуникационная активность, способность участников говорить на одном языке.

На взгляд окружающих, школы выглядят консолидированной группой единомышленников, но эта консолидация оказывается результатом внутренней напряженности, конкуренции и столкновения суждений, следствием интенсивного диалога с публикой, людьми иных взглядов

и убеждений. Великие прозрения, случившиеся в России начала XX века, стали итогом редкостной интеллектуальной подвижности, интенсивного диалога адептов авангарда с традиционалистами и консерваторами, диалога внутри авангарда между рационалистами и конструктивистами, наконец, споров среди самих рационалистов и конструктивистов. В этой атмосфере рождается нечто, называемое непопулярным сегодня словом «идеология». Идеология архитектурной школы, стержень и смысл ее существования – совокупность целей, ценностей и методов, вербальных и пластических заявлений. Идеология школы в идеале проходит путь от неопределенных конструкций и догадок до состояния кристаллизации, ясности и завершенности.

Судьбы школ неразрывно связаны и с фигурами их лидеров. Бывают лидеры профессии, не создавшие школ, гении-одиночки и отшельники вроде Гауди и Мельникова. Они восхищают, шокируют, провоцируют на подражание. Их воздействие носит эмоциональный, косвенный и непредсказуемый характер. Создатели школ вроде Корбюзье и Ладовского – интеллектуалы и харизматики, способные внятно формулировать и эффективно донести смыслы. Это люди, ставшие одновременно генераторами идей и их проповедниками-миссионерами.

С уходом лидера школы обычно прекращают существование. Те немногие школы, что выживают, консервируются и становятся академиями или «квази-академиями».

Школы объединяют людей идеи и миссии, для кого практика, расходящаяся с их видением, не представляет интереса. Тем, кто предпочитает деньги и власть, школа противопоказана или враждебна. В школе они не нуждаются и создают иные социальные структуры.

Школы связаны с окружающей средой, зависимы от среды и социальной атмосферы. Едва ли не решающую роль в судьбе школ играют общественная реакция, реакция лидеров мнений, критиков и публицистов, говорящих от лица общества. Общество и его медиа способны разрушать школы или, напротив, прийти им на помощь. Критики склонны выступать в роли толкователей и популяризаторов архитектурных идей и концепций, подвергать сомнению или продлевать их жизнь. Вклад японского метаболизма, практически ограниченный несколькими проектами, рисунками и постройками, не был бы столь впечатляющим, если бы не позиция прессы и критиков,

посчитавших метаболизм национальным достоянием, заслуживающим множества комментариев и огромной выставки с торжественным открытием. Современник метаболизма, российский НЭР, достойный не меньшего почитания, оказался героем выставки куда более скромной.

Архитектурные идеи не могут успешно существовать без поддержки бизнеса, строителей и промышленников, тех, кто воплощает идеи или хотя бы финансирует их популяризацию, вроде помогавшего Корбюзье Вуазена.

Не меньшее влияние на судьбу идей, их носителей и школ оказывает власть, политики и бюрократия. В СССР и России это влияние оказывается решающим. Государство и власть в нашей стране многие годы назад взяло на себя практически полную ответственность за формирование общенационального пространства, выбор его модели, охватывающей и глобальной, и локальной уровни.

Итак, условием появления неучебной школы становится совокупность внешних и внутренних обстоятельств. К внутренним относится сложившаяся культура профессионального сообщества, рождение ярких захватывающих идей и появление харизматических лидеров. Внешние обстоятельства предполагают расположенность общества и лидеров мнений, заинтересованность делового мира, понимание со стороны людей бизнеса, строителей, девелоперов, и, наконец, лояльность власти.

Взаимосвязь внешних и внутренних обстоятельств в отечественной практике иллюстрируются примерами трех знаменитостей середины прошлого века. Когда-то популярный, ныне почти забытый архитектор Людвиг, в беседе со Сталиным настаивавший на обязанности и праве профессионалов порождать видение будущего, был репрессирован. Как гласит легенда, академик Щусев, успешный профессионал, ладивший с любой властью, на вопрос Сталина «Какой должна быть советская архитектура?» – ответил, что она должна быть ровно такой, какой видит ее Вождь. Своей школы Щусев не создал. Неожиданно для многих, включая самого себя, счастливый билет вытянул Жолтовский. Созданная им школа легла в основание Академии архитектуры СССР.

II. Глобальное – Локальное

Популярная оппозиция «глобальное – локальное» имеет сегодня не столько географическое, сколько культурное наполнение. Спор глобального с локальным – явление недавнее. До эпохи мировых войн профессиональная архитектура обслуживала и отражала высокие интересы элит, принадлежавших европейскому культурному ареалу. Эта архитектура определялась устойчивыми типологическими и стилевыми признаками, гарантировавшими ее неделимость. Распад империй, смена элит, демократизация жизни полностью изменили ситуацию. На смену архитектуре больших стилей приходит современная архитектура с ее двумя версиями – «глобальной» и «локальной». Локальная (или местная) версия обычно именуется «национальной» или «региональной».

Появление локальной современной архитектуры было подготовлено множеством национальных версий модерна и ар-деко и впечатляющими открытиями ряда «внеевропейских» архитектурных систем: японской, мезоамериканской и т. п.

Все неучебные школы и культивируемые ими идеи можно поделить на глобальные и локальные. Одним мир представляется единым, живущим в общем времени и лишенным существенных внутренних различий. Другие видят мир пребывающим в четких пространственных границах и населенным людьми, настаивающими на своей идентичности. Локальные школы имеют ограниченное число адептов, которые находятся рядом друг с другом. Глобальные идеи способны порождать целые сетевые сообщества, раскинутые по всему миру. Так, убежденными носителями взглядов Ле Корбюзье или преданными

сторонниками интернационального стиля Миса ван дер Роэ оказываются люди, никогда с мэтрами не общавшиеся и им не известные.

Локалисты и глобалисты – люди разной ментальности. Первые напоминают семейных, земских или участковых врачей с характерным кругом клиентов и компетенций. Другие похожи на проповедников ЗОЖ или Гербалайфа, простых и понятных средств, способных изменить весь мир.

Каждая страна, каждый город располагает домами и сооружениями, которые безошибочно угадываются как принадлежащие глобальному или локальному мирам. Общество спокойно принимает похожие друг на друга заводы, склады, офисы, гостиницы, торгово-развлекательные центры. И то же общество предпочитает видеть неповторимыми и уникальными свои храмы, театры и музеи.

Увлечения глобальным и локальным сменяют друг друга довольно регулярно. Наступившее после войны время торжества интернационального стиля и стеклянных небоскребов сменилось двадцатилетием расцвета местной архитектуры. Архитектурный суверенитет успешно утвердили Япония и Бразилия, Мексика и Израиль, Италия и Финляндия.

В последние десятилетия XX века региональное и национальное перестает вызывать интерес, попадает под влияние массовой культуры, становится легкомысленным и мажорным. Это состояние принято оправдывать, объяснять и обозначать словом «постмодернизм».

Последний приход глобальной архитектуры, архитектуры без адреса и прописки, состоялся благодаря участию «мировых звезд», подвергших опылению всю нынешнюю профессиональную практику. Интернациональная культура разносит по миру не идеи глобального переустройства, но бренды, являющиеся гарантией соответствия моде, которую принято называть «трендом».

После распада СССР глобальная архитектурная повестка от политиков перешла к людям бизнеса. Пример успешного архитектурного экспорта демонстрирует Голландия, вложившая в начале 1990-х годов огромные государственные и частные средства в архитектурное образование и продвижение архитектурного продукта. К захвату мирового архитектурного рынка готовится Китай, обучивший тысячи людей в лучших архитектурных школах и имеющий позитивный опыт завоевания проектно-строительного рынка.

«Глобальное» и «локальное» – понятия-зонтики; они разворачиваются в обширные культурные парадигмы, вибрирующие родственные, сущностно близкие признаки. «Глобальное» пребывает в общем и едином времени, тяготеет к новому и современному. «Глобальное» стандартно и универсально, стилистически нейтрально, минималистично и целесообразно. Оно рождается рациональным прагматичным сознанием, построенном на логике технического и экономического развития. В качестве побочного продукта «глобальное» предлагает миру множество волнующих новых образов, которые увлекали создателей Баухауса, основателей Ульмской школы, русских конструктивистов и архитектурных пророков вроде Корбюзье и Миса ван дер Роэ.

«Локальное» мозаично и разнообразно, как разнообразны человеческие сообщества и создаваемые ими миры. «Локальное» зачастую нелогично, избыточно, нерационально сложно, как сложны Райт и Вентури в сравнении с SOMом.

Признаком локальной архитектуры принято считать уважительное отношение к контексту. Местный, локальный контекст обычно представляется сочетанием физических, материальных и нематериальных, духовных, обстоятельств. Физический контекст описывается количественными и качественными показателями вроде размера участков, высоты зданий, процентах застройки, соотношения глухих и остекленных наружных поверхностей,

материала стен и т. д. и т. п. – всего того, что может быть зафиксировано в документах типа ПЗЗ.

«Дух места» – нечто менее определенное, относящееся к области сложных переживаний. Следование духу места, выражение духа места обычно оценивается постфактум и редко бывает успешно запрограммировано. Активное и успешное воплощение духа места – большая удача.

Такая удача выпала на долю Гауди, вклад которого в культуру Каталонии оказался едва ли не более высоким, чем вклад националистически настроенных литераторов и политиков. В одном ряду с работами Гауди оказываются уникальные символы новой идентичности, вроде Эйфелевой башни, сиднейской Оперы и филиала Музея Гугенхайма в Бильбао.

«Локальное» и «глобальное» связаны и взаимосвязаны. Интернациональный стиль и мировые тренды неминуемо приобретают видимые местные отличия, характерный акцент, по которому определяется точный адрес и место рождения. В свою очередь, каждый атрибут интернационального стиля имеет локальные корни. Белые дома Корбузье с плоскими крышами-террасами, по его же признанию, возникли под влиянием увиденного в греческих и турецких деревнях, а металлические конструкции Миса ван дер Роз могли родиться только в индустриальной культуре Германии.

Переплетение и взаимосвязанность «глобального» и «локального» приводит к обмену признаками, к возникновению гибридов и парадоксов. Местное может отказаться от следования консервативным, традиционным сценариям и обзавестись футуристическими чертами. Глобальная картина будущего мирового устройства может, напротив, приобретать архаическую окраску и антипрогрессистский характер.

III. Региональное, национальное

В актуальном российском лексиконе, вобравшем прежние советские и новые заимствованные слова и смыслы, различаются общенациональное, общероссийское культурное пространство и пространство регионов, среди которых особое место занимают регионы национальные. Культурная субъектность и идентичность регионов, отношения общенациональной и региональной культур – одна из самых волнующих тем внутренней российской жизни.

Как имперская, так и советская культурная политика, судя по результатам, оказались не слишком успешными, несмотря на очевидные их отличия. Оба последних самодержца были энтузиастами «русского стиля». Собранный из множества атрибутов, включая фольклор и нарышкинское барокко, официальный стиль последовательно насаждался в самых чувствительных и знаковых точках империи, от столиц до вновь приобретаемых земель. Политика унификации и русификации, знаком и символом которой был русский стиль, провоцировала нарастающее и неудовлетворенное стремление национальных окраин к культурной автономии.

Регионы центральной части страны оказались в ситуации более уравновешенной. За 50 лет, прошедших с начала Земской реформы, губернии, уезды и города, получившие самоуправление, добились ощутимых успехов в образовании и здравоохранении, в возможности самореализации граждан. Почти все наполнение Пирамиды Маслоу оказалось реализуемо в провинции не менее успешно, чем в столицах.

В реальности и в массовом сознании Россия была страшной провинцией. У провинции была своя культура, своя литература, театр, своя архитектура. Другие, но не ниже качеством.

После революции положение регионов, их отношения со столицей стали не просто другими, но сменились на нечто прямо противоположное. Россия стала страной столицы, подавшей в итоге Гражданской войны сопротивление окраин и фактически восстановившей дореформенное состояние. С той поры жизнь в столице стала

признаком успеха, гарантией доступности большего числа более качественных и временами дефицитных благ.

При этом внешнеполитические амбиции Советской власти оказались грандиознее имперских. Но идея экспорта мировой революции и создания бесклассового интернационального общества, в котором нет места ни русскому стилю, ни РПЦ, пришлось увязывать с обязательствами предоставлять большие права ранее угнетенным народам. В итоге ответственность за новую глобальную повестку легла на Российскую Федерацию, за которой закрепилась роль главной интегрирующей силы СССР. Этой силе не полагались собственные архитектурные одежды. Ей не следовало акцентировать внимание на собственных национальных, тем более региональных особенностях. Самые невинные проявления таких настроений могли расцениваться как скрытая угроза целостности СССР. Известное определение соцреализма как явления «национального по форме и социалистического по содержанию» не предполагало региональной формы, зато признавало относительный культурный суверенитет союзных и автономных республик. В упорной работе над созданием национальных версий социалистической архитектуры принимали самое деятельное участие столичные мастера. Щусев строил в Тбилиси и в Ташкенте, Власов в Киеве и т. д.

Итогом такой культурной политики стало появление ограниченного и устойчивого круга создателей советской архитектуры. Это архитектурные сообщества Москвы, Питера и союзных республик, которые были «школами наоборот», где идеи и лидеры отбирались и назначались властью.

Место для региональной архитектуры как явления самостоятельного в этой картине отсутствовало. В сочетании с ликвидацией в СССР муниципального самоуправления такая ситуация почти не оставляла шансов на успешную самореализацию огромному числу профессионалов, работающих за пределами столицы. Обкомы и облисполкомы, областные театры и цирки проектировались в столице. Жилье, школы и поликлиники строились по типовым проектам. Региональным архитекторам оставалась работа в резко зауженном регистре. Превращение этой работы, ее итогов в культурно-значимое, высокохудожественное системное явление, создание школы было чудом.

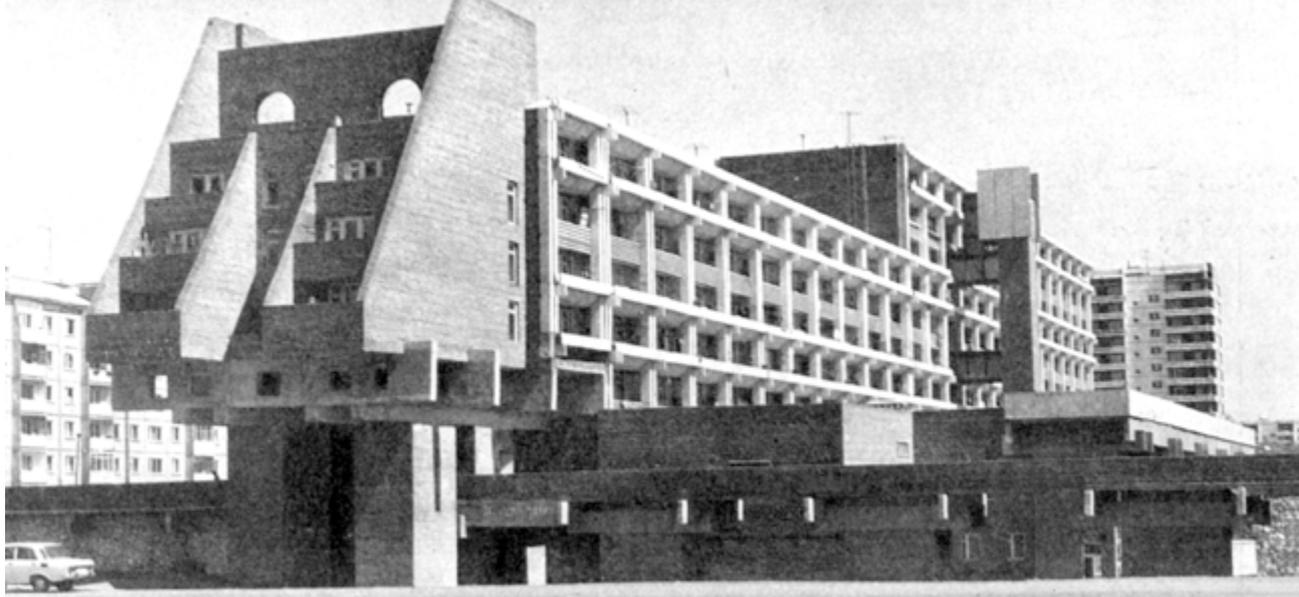
Школа возникла там, где менее всего ожидалось: вдали от Москвы, в Сибири, в регионе, в областном центре, в Иркутске. Спустя годы уже в новых, но не менее сложных условиях, «Иркутское чудо» было повторено в другом российском регионе – в Нижнем Новгороде.

Лидеров Иркутской и Нижегородской школ, Павлова и Харитонов, людей разных поколений, объединяют общие ценности и приоритеты. Оба прежде всего архитекторы и лишь потом, через множество знаков препинания, начальники, управляющие и администраторы. Они вернули своим городам право на архитектуру, и сделанное ими, даже будучи лишены внимания и ухода, несопоставимо с панельным хламом.

Приехавший из Питера Павлов для Иркутска чужой. Харитонов в Нижнем свой. Павлов воспользовался расположением или попустительством местной власти. Харитонову удалось убедить нарождавшийся бизнес в преимуществах хорошей архитектуры.

Павлов видел Иркутск городом будущего и столицей Сибири. Харитонов превращал город Горький снова в Нижний Новгород. Павлов создавал плотные узлы, точки роста и места кристаллизации городской ткани. Он упорно добавлял городу третье измерение и достигал этого всеми доступными средствами, делая обыденное неожиданным. Он проявлял волю, остроумие и фантазию там, где другие не видели повода для размышлений. Его в равной мере волновали и логика срубца, и самые актуальные архитектурные открытия.

Харитонов последовательно старался вернуть городу характер, достоинство и человечность, снова сделать его



< Жилой дом галерейного типа по проспекту Карл-Маркс-Штадт (ныне проспект Жукова). Арх. Владимир Павлов, Николай Беляков. 1983

праздничным и ярким, максимально расширить арсенал средств, обновить традиционный язык и адаптировать нечто самое современное. Ему удалось восстановить культуру деталей, пробудить интерес к интригующим и сложным решениям. Он реабилитировал орнаментальность и декоративность, дал каждому новому дому имя собственное и превратил этот дом в увлекательный рассказ. В городе не стало случайных немотивированных высказываний, не встроенных в воссоздаваемый городской контекст.

При всех отличиях иркутской и нижегородской школ их объединяет упорное желание восполнить, компенсировать все то, что города недополучили или потеряли в период массового типового строительства, в годы утраты архитектурного наследия и градостроительной культуры.

Времена, наступившие спустя годы и десятилетия, сняли табу с темы региональной идентичности. Формирование и предъявление региональных брендов становится задачей мэров и губернаторов. На этом фоне отношения власти и архитекторов-воспитанников региональных школ, складываются по-разному.

130 квартал в Иркутске – итог доверия и партнерства губернатора Мезенцева с прямыми наследниками и почитателями Павлова, Григорьевой и Мееровичем. Их усилиями удалось сохранить и восстановить в центре города уникальную среду с хрупкой исторической деревянной застройкой. Сделано это ценой освоения обширных подземных пространств для нового общественного центра. Открытый Павловым трехмерный Иркутск приобрел новое измерение и новый облик.

В Нижнем сегодня решается судьба не менее значимого для города места – знаменитой Стрелки, но решается по-другому. Система отсчета, критерии качества, сформированные Нижегородской школой, в глазах новой власти ценностью не ощущаются. Итог – интеллектуальный кризис, отсутствие ясных представлений и странные попытки создать очередную клон Сиднейской Оперы.

IV. Московское и Питерское

В СССР и России судьбы архитектуры, профессиональных сообществ и школ складывались особым образом, то сближаясь, то расходясь с мировыми трендами, или мейнстримом. Основной причиной этих расхождений оказывалась тесная связь архитектуры и политики. Уни-

кальный опыт государственного управления архитектурой, поставленный в СССР, означал исключение процесса свободного порождения идей и назначение сверху единственно возможной картины мира.

Следствием этого становится неминуемый отрыв замороженной картины от меняющейся действительности и возникающие кризисы, которые разрешались болезненными и радикальными реформами.

Молодая советская власть получила феноменальный подарок из недалекого прошлого – русский авангард, который ввел русскую архитектуру в первый и последний раз в истории в клуб мировых стейкхолдеров. Возникшее к этому времени созвездие авангардных групп и школ, равно которому нет и не будет, новая власть выбирает себе в союзники и попутчики.

Кризис начала – середины 1930-х годов приводит к разрыву власти с трудновоспитуемым авангардом и приглашению на почетную роль слуг государства более покладистых академиков с дореволюционным бэкграундом. При этом власть сохраняет признаки уважительного отношения к людям, владеющим множеством профессиональных секретов, включая устройство классических ордеров.

Хрущевская реформа лишила архитектуру высокого статуса артистической деятельности, относительной самостоятельности и предметности, полностью подчинив стройкомплексу. Отлученная от культурного процесса, фактически лишена права порождать собственные идеи и независимых лидеров, архитектура утратила иммунитет от любых влияний и оказалась обреченной на маргинализацию.

Распад СССР и отказ от советской идеологии не сильно изменил положение архитектуры, которая в сущности уже была деидеологизированной. Выйдя из-под контроля советских строителей, архитекторы оказались под управлением постсоветского строительного бизнеса.

В слабом духом все эти многолетние испытания воспитывали апатию и цинизм, сильных ситуация заставляла «жить вопреки», искать и находить в системе «дыры» и «ниши». Усилиями самых сильных и везучих в самое тяжелое для архитектуры время возникает феномен советского модернизма, вызывающий сегодня понятное удивление и повышенный интерес.

> Административное здание компании «Лукойл». Нижний Новгород (ул. Грузинская).
Арх. В. В. Никишин, А. И. Рубцов, М. М. Седова, Д. Л. Февралев. 1998



Создатели этого феномена – одинокие герои, вроде Меерсона и Леонида Павлова. Окруженные почитателями и преданными коллегами, но встроенные в жесткую систему, они заведомо были лишены возможности создать собственную школу. То, что произошло в Иркутске, было неосуществимо в Москве.

Представление о существовании московской и питерской неучебных архитектурных школ не вполне верно. Правильнее говорить об архитектурных сообществах, о людях, объединенных не единомыслием, но причастностью к двум великим городам. Эта причастность позволила профессиональным сообществом пройти через множество испытаний и выжить.

Города по-разному вели за собой архитекторов и власть, достраивая или заменяя картину мира собственными родовыми признаками и своими ролями бывшей и новой столиц.

Родовые признаки столиц выстраиваются в ряд оппозиций самого разного свойства и могут носить как вполне объективный, так и сугубо оценочный характер. Питерское обычно ощущается строгим, целостным, разборчивым, аполлоническим, западным, мужским и волевым. Московское представляется неопределенным, непоследовательным, дионисийским, женским, восточным, декоративным и иррациональным. Питерское выглядит твердым, симметричным и прямым, московское мягким, ассиметричным и запутанным. Питер дисциплинирован и подчинен плану. Москва, единственный незапланированный город империи, успешно сопротивляется попыткам установить в ней пространственный порядок.

Начиная с 1917 года, в СССР и России столица больше, чем столица. Приобретение или утрата столичного статуса коренным образом меняет город. Столица в России – нечто уникальное и неповторимое, единственная в своем роде. Одновременно это главный город, самый большой и красивый, пример и образец для всех остальных городов. Москва с расходящимися кольцами и расползающимися магистралями становится центром мира и моделью вселенной.

Архитектурой столицы управляют не архитекторы, а вожди, политические руководители страны, и уровень осуществляемого ими контроля предельно высок. Каждый новый руководитель Москвы старательно стирает

из памяти следы своего предшественника, осознанно и показательно меняя весь круг прежних представлений, целей и ценностей. Прогрессисты-революционеры сносят церкви и ставят временные памятники. Консерватор Сталин запрещает конструктивизм и строит дома с колоннами. Прогрессист Хрущев убирает колонны и насаждает панельные коробки. Консерватор Лужков учреждает «московский стиль». Прогрессист Собянин превращает Москву в «европейский город».

Замечательно, что все трансформации проводились при активном участии носителей иной культуры. В начале – молодых энергичных авангардистов, съехавшихся со всей страны. С середины 1930-х – питерских архитекторов с опытом создания монументального и вечного. Спустя двадцать лет – руками инженеров, ставших авторами панельных домов. Наконец, кучи иностранцев, успешно практикующих в столице сегодня.

Три постсоветских десятилетия московской архитектуры не менее драматичны, чем семь советских. Ответом на удручающее состояние архитектуры доставшегося ему города, стал заявленный Лужковым «московский стиль». Столица недвусмысленно указывала другим регионам на возможность культурного суверенитета. Путь к суверенитету сопровождался восстановлением того, что Советской властью была уничтожено, включая храмы и прежнюю топонимику.

Город, казалось, получал уникальную возможность не просто вернуться к нормальной архитектурной практике, но завести одну или несколько оригинальных архитектурных школ. И профессиональное сообщество Москвы, и власть оказались не готовы этой возможностью воспользоваться. Мэр, движимый самыми благими намерениями, не дождавшись реакции архитекторов, попытался самостоятельно определить характер архитектуры, ставшей впоследствии объектом далеко не однозначных оценок.

Приход Собянина привел к предсказуемому и ожидаемому изменению архитектурной политики, к отказу от поиска и утверждения идентичности. Налаженный культурный импорт не породил ощущения дискомфорта на фоне импортозамещения в экономике. Чувствительность в отношении культурных уступок оказалась на удивление низкой.



^ Вокзальный комплекс «Ладожский».

Санкт-Петербург (Заневский пр-т, 73). Заказчик: Министерство путей сообщения РФ. Арх. Никита Явейн, Владимир Зенкевич, Василий Романцев, Жанна Разумова при участии Елены Барыкиной, Ирины Голышевой, Григория Иванова, Ирины Крыловой, Людмилы Кутузовой, Андрея Медведева, Сергея Сологуба, Елизаветы Фокиной. Проектирование: 2001–2002. Строительство: 2001–2003

Базовой моделью для собянинской Москвы становится некий отвлеченный современный «город-лидер» с характерными признаками вроде высоких домов и широких тротуаров. В этом облике отчетливо угадываются черты западного мегаполиса, еще недавно бывшего предметом острой советской критики.

В то же самое время питерская архитектура, опиравшаяся на гораздо более скромные возможности, двигалась другим путем. Давно освободившийся от бремени столичности, удалившийся от большой власти, Питер занялся исключительно собой, раскрытием и интерпретацией своей идентичности. Питерская архитектура избежала жесткого, деформирующего давления местных начальников, впечатленных, возможно, окружающими шедеврами и архитектурной мифологией. Десятилетия относительно спокойного, непрерывного естественного движения, избавленного от болезненных ломок, привели к видимому повышению качества работ, к сложной и самостоятельной архитектуре. Питерские архитекторы накопили весомые аргументы в свою пользу, позволили городу приобрести в отношении импортной архитектуры известный иммунитет, который постоянно подвергается самым непростым испытаниям.

В современном мире тема столичности и провинциальности утрачивает актуальность и уступает место теме городов-регионов, постгородов или мегагородов, успех которых определяется не только уровнем ВВП, но качеством и объемом продукта собственной индустрии культуры, включая архитектуру и архитектурную школу. В развитии этого сегмента Питер опирается на набирающее силу общество, растущий питерский патриотизм, на очевидное небезразличие к архитектуре города, показанное в истории с газпромским небоскребом.

Москвой роль мегагорода понимается иначе. Она все дальше дрейфует и от поисков идентичности, и от советской столичной модели, постепенно отказываясь от участия не только в глобальной, но и в национальной повестке. Российская столица все чаще ощущает себя в одной компании с Лондоном и Парижем, а не с Тверью и Владивостоком. Вхождение в компанию городов-лидеров без попыток архитектурной самоидентификации – выбор власти, к которому население, в отличие от питерского, в основном безразлично. Универсальный комфорт

успешно вытесняет признаки и черты региональной культуры, сохранявшиеся даже в советской Москве.

В нынешнем соревновании Питера и Москвы за Москву выступает компания зарубежных звезд разного калибра. За Питер – команда местных с несколькими форвардами, в числе которых Романов, Мамошин, Земцов и успешный собиратель международных наград Никита Явейн. Возможно, именно эта команда и есть едва ли не единственная в стране местная архитектурная школа.

Литература

1. Боков, А. О социокультурных предпосылках формирования российского пространства. Треугольник и элита // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 48–49
2. Боков, А. Фавориты и изгои // Проект Байкал. – 2017. – № 53. – С. 31
3. Боков, А. Менеджеры и архитекторы // Проект Байкал. – 2017. – № 53. – С. 32–33
4. Лидин, К. Сплошные вопросы. К проблеме межцивилизационного взаимодействия Востока и Запада // Проект Байкал. – 2017. – № 54. – С. 34–40
5. Боков, А. О стратегии пространственного развития // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 112–124
6. Боков, А. Три утопии: памяти СССР посвящается // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 37–41
7. Неформальная экономика: Россия и мир/ред. Т. Шанин. – Москва: Логос, 2014. – 576 с.

References

- Bokov, A. (2017a). Favourites and outsiders. *Project Baikal*, 14(53), 31–32. doi:10.7480/projectbaikal.53.1203
- Bokov, A. (2017b). Managers and architects. *Project Baikal*, 14(53), 32–33. doi:10.7480/projectbaikal.53.1204
- Bokov, A. (2017c). On socio-cultural prerequisites for formation of Russian space. The triangle and the elite. *Project Baikal*, 14(52), 48–49. doi:10.7480/projectbaikal.52.1160
- Bokov, A. (2018). On the spatial development strategy. *Project Baikal*, 15(57), 112–124. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1367>
- Bokov, A. (2019). Three utopias (dedicated to the memory of the USSR). *Project Baikal*, 16(62), 37–41. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1539>
- Lidin, K. (2017). A pack of questions. On the problem of intercivlisational relations between East and West. *Project Baikal*, 14(54), 33–40. doi:10.7480/projectbaikal.54.1246
- Shanin, T. (Ed.). (2014). *Neformalnaya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal economics: Russia and the world]. Moscow: Logos.